

ГРАФОМАН ИДЕОЛОГОВИЧ ТЕКСТОВ

Оливье Тостер

сюрреалистический роман в шестнадцати вымышленных действиях

2014

Внимание! Автор произведения предупреждает о возможной поломке головного мозга, во время или после попытки прочтения данного произведения. Поэтому снимает с себя какую-либо ответственность за эти и любые-другие последствия прочтения произведения, считая все ваши действия осознанной и обдуманной попыткой свихнуться на почве неудовлетворенности восприятия современного мира.

Об авторе:

Графоман Идеологович Текстов – псевдоним сетевого поэта и писателя, который пишет в жанре метода нарезок и полного сумасшествия сюрреализма, часто используя для написания своих бессмертных произведений возможность собственных разработок искусственного интеллекта.

Своим творчеством Г. И. Текстов пытается показать, что литература может существовать сама по себе без автора, который в данном направлении выполняет лишь роль механического робота. Он верит, что с развитием информационных технологий появится возможность полной замены поэтов и писателей на умные программы, а все человечество земли на глупых роботов, что ознаменует собой полное совершенство.

О романе:

Текст бессмертного произведения «Оливье Тостер» был написан собственным вымышленным виртуальным клоном сознания автора, который будучи полноценным искусственным интеллектом, предпочел, после завершения работы над романом, самоудалится, осознав все совершенство данного произведения и не возможность создания лучшего творения в его виртуальной жизни.

Таким образом, автор произведения, которое он никогда сознательно не писал, признает за собой все авторские права, считая полное законодательное право, распоряжаться правами своей виртуальной личности, к настоящему времени скончавшейся, но ранее находившийся с ним в одном головном мозге. Поэтому любой нарушивший это суверенное право, будет неминуемо признан вымыслом Оливье Тостера и принят после ужина, в соответствии с рецептом больного доктора.

Сюрреалистическое же совершенство данного романа столь велико, что о нем не возможно судить с приземленной точки зрения нормального сознания. А поэтому умолчим о его великой ценности.

Что-то совсем сумасшедшее и непонятное, но издатель говорит, что так надо:

Всеми авторскими правами на книгу владеет только ее автор. Все права не предоставленные здесь явно, сохраняются за автором.

Разрешено свободное безвозмездное (бесплатное) распространение книги с условием ее неизменности и сохранением авторских прав.

Данное произведение является концептуально шуткой и не более! Автор не несет никакой ответственности за любые возможные последствия ознакомления с текстом произведения, его трактовку и влияние.

Сюжет данного произведения и все образы в нем использованные, являются исключительно художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными событиями и персонажами, наименованиями исключительно случайны.

Однажды Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о

том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет

двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы

отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку

душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у

Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья

радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях.

Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб,

упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную

прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил,

чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкусу.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он

отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка

той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок,

справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице,

вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портьере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому

последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать

остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он

записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным

поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое

тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая

просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фае

чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал,

когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в

свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной

доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать,

наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихивал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку.

Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя

через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром,

когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь

чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И

тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем

неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рта, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку,

лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной

пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в

болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской

глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фае чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного.

Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его

заледевшая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о

готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был

комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На

крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой

Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартира с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился

принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее

беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пушием, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рта, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе

на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного

господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторженное грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил

медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим

ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым

столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был

трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности

воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после

выпитого пуниша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пуниша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фазе чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро

осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с

фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторженное грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой

сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его

чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый

вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего

автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то

мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рта, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя.

Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал

щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку,

Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города,

который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Туңцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае,

не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня

не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фазе чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать

своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб,

упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бежал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную

прозаическую биографию самого некоего мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фае чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил,

чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка той самой дамы.

Обособняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропихнул о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкусу.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.

Там на первом восьмом этаже была его маленькая просторная квартирка с вычурной простой мебелью. Его чужие окна выходили на закат рассвета тихой морской глади, по которой бегал желтый зайчик белой луны. Чувствовался холод тепла.

Оливье Тостер снял с себя воображаемый жакет и остался совершенно голым, одев свой пестрый однотонный халат в свою чопорную наготу. Он сел на невидимое кресло и то мерно скрипнуло, издавая тяжелые звуки легкой песни. Его заледенелая горячая рука взяла с пытавшего убежать из под ног столика горячий фужер ледяного пунша. Он

отхлебнул пару глотков, только смочив губы.

Раздался беззвучный звонок телефона и Оливье снял трубку. Стоя по щиколотку в горячей ледяной воде душа, он припал щекой к трубке и говорил громким шепотом. Это был комиссар Винегрет. Он быстро рассказал долгий рассказ о том, что некая незамужняя дама, обратилась в их участок, справится о пропаже своего мужа, который, впрочем, был трезвым пьяницей и вот уже четвертые сутки дня, не шел в ее чужой дом.

Оливье понял — это его очередное безделье. И он согласился принять даму, после обеденной микстуры и повесил трубку душа, отпив из нее несколько соленых глотков.

Дама была чопорной до степени неухоженности. Она сидела перед Оливье и смеясь рыдала, молча говоря о своем неженатом муже, который вот уже четвертые сутки дня не возвращался в их чужой дом. Как он понял из ее беззвучного рассказа, смешанного со слезами отчаянья радости, ее неженатый муж был видным неизвестным поэтом, писавшим биографии с стихах прозы.

Последний раз ее неженатый муж, которого, кстати, ни как не звали Тунцом Жаркое, писал стихотворную прозаическую биографию самого некого мужественного господина женской внешности, которого он, впрочем, не называл ей. Однако она видела его во сне, в своем фаре чужого дома, за визитом к ее неженатому мужу, в первый вечер последнего утра, когда тот исчез.

Итак, Оливье Тостер был снова в безделье. Он запил, чопорную до степени неухоженности, даму горячим ледяным пуншем, как и обещал комиссару Винегрету, приняв ее после обеденной микстуры, как ему прописал больной доктор.

Оливье Тостер набрал несуществующий номер такси и, вызвав машину, отправился пешком до чужого особняка

той самой дамы.

Особняк был старый, будто был построен вчера. Пройдя через закрытую хорошо смазанную скрипучую калитку, Оливье постучался в прозрачные деревянные двери. На крутом низком пороге появилась староватая девушка лет двадцати. Ее гладкие морщины на грустном сияющем лице, вызвали у него восторжение грусти о давности воспоминаний любви. Они обмолвились парой фраз не раскрывая рты, и молча, так, что их кажется слышал весь чужой особняк, вошли во внутрь.

Тут было не так уютно, как было неуютно в квартирке у Оливье Тостера. И ему больше всего хотелось не желать остаться тут еще чуть-чуть. Очень медленно быстро осмотрев комнату неженатого мужа, которого ни как не звали Тунцом Жаркое, Оливье заметил, фотокарточку, лежащую стоя на портъере. На ней он ни как не мог узнать своего автобиографа, которого он сам же и придумал себе на днях. Теперь все встало не на свои места. Оливье Тостер был столь грустен в радости, что приобнял твердое мягкое тело престарелой девушки, и в пылкой влажной, но такой сухой, страсти воображаемого поцелуя, забылся в болезненной неги поднимающегося счастья.

Он пылко вышел из закрытой калитки и поспешил медленным шагом домой, на подъехавшем такси. Безделье было завершено. И Оливье Тостер теперь точно не знал, когда, вчерашним вечером сегодняшнего дня принял своего автобиографа за утренней трапезой, после слабительного. Именно поэтому он и не возвращался вот уже четвертые сутки дня в чужой особняк своей жены.

Оливье был счастлив и прибыв в свою уютную не комфортную квартиру, сразу же решил отобедать, наложив в воображаемую тарелку несколько порций себя. Салат был просто обалденным. Тостер пропищал о готовых гренках и он сел за воображаемый столик.

Оливье Тостер воображал, что пьет чай за воображаемым столиком, который пригрезился ему, когда он лежал на диване, который ему приснился тихим вечерним утром, когда он дремал на лавочке в тихом сквере шумного города, который он увидел на марке письма, присланного почтой Голландии, которое он заказал у почтмейстера, чтобы отправить самого себя посылкой, к своему первому последнему дню рождения, которое пригрезилось ему после выпитого пунша на званном вечере в честь его дня рождения, который приснился ему сегодняшним вчера. И тут Оливье Тостер понял — соль в его воображаемом чае, не придает сладости вкуса.

Это было важное бесполезное открытие, которое он записал в своем придуманном блокноте и встав с фиолетовой, но такой желтой скамейки, лежащей по среди развалин, красивого нового города, побрел в сторону черной пустыни, где уходил в землю высокий небоскреб, упирающийся своим невидимым пиком в верхушку низа неба.